Ненавижу босса!

Автор:
Матильда Старр

Ненавижу босса!

Матильда Старр

Ужасные боссы #1

Женщины любят его за ум, красоту, доброту и бесподобное чувство юмора. А еще за… Ну нет, если я начну перечислять все то, что они ему приписывают, я нескоро закончу. Даже наша уборщица тетя Света в возрасте за шестьдесят, кажется, свое «Доброе утро, Никита Владимирович» произносит с придыханием. Мужчины влюблены в его костюмы, машины и во все то, что принято называть стилем жизни. А я ни во что из этого не влюблена. Я его терпеть не могу. От всей души. Фото для обложки с shutterstock.

Матильда Старр

Ненавижу босса!

Глава 1

Здравствуйте, меня зовут Лина, и я ненавижу своего начальника.

Если бы я пошла на какой-нибудь групповой психотренинг, что-то вроде «Как не убить босса» или «Как не вылететь с работы», я бы начала свою приветственную речь именно так.

Вы скажете: тоже мне проблема! И тут же начнете вспоминать, каким феерическим чудаком на букву «м» был ваш предыдущий начальник. Это, конечно, если вам повезло, а если не повезло, то этим самым феерическим не-скажу-кем окажется начальник нынешний.

Вы скажете: все ненавидят начальников! Это норма! – голосом ведущей одной из программ о здоровье.

Скажете ведь, да? Да? Ну да?

А вот и нет.

Ваших начальников, возможно, ненавидят все, а моего – я одна. То есть совершенно выбиваюсь из тренда. Все остальные его просто обожают.

Женщины любят его за ум, красоту, доброту и бесподобное чувство юмора. А еще за… Ну нет, если я начну перечислять все то, что они ему приписывают, то нескоро закончу. Даже наша уборщица тетя Света в возрасте за шестьдесят, свое «Доброе утро, Никита Владимирович» произносит с придыханием.

Мужчины влюблены в его костюмы, машины и во все то, что принято называть стилем жизни.

А я ни во что из этого не влюблена. Я его терпеть не могу. От всей души.

Иногда я сама задумываюсь: отчего столько ненависти? Что в нем такого, что раздражает меня так, будто бы он – воплощенный в человека скрип гвоздя по стеклу?

Привлекательный, остроумный, умеет себя держать, а главное, что заставляет всех вокруг пылать к нему необъяснимой нежностью, в свои двадцать пять владеет довольно немаленьким бизнесом и вполне приличным доходом. А также, поговаривают, изрядным количеством недвижимости, ну и чем там еще принято владеть у тех, кто всем владеет.

У меня из всего перечисленного есть только двадцать пять лет. Ну ладно, соврала, двадцать шесть. Хотя, после двадцати пяти эти подробности уже не

имеют значения.

Представьте: каждый день я прихожу на работу и встречаю живое доказательство того, что я никчемно, бездарно потратила все эти годы, не добившись ровным счетом ни-че-го. И если бы это доказательство еще молчало!

– Лисова, о чем мечтаем? Трубка телефона последние десять минут лежит без дела. Ручки с карандашами сами себя не продадут!

Он улыбается. Он всегда улыбается.

Не знаю, на каком тренинге он такому научился, но эту улыбку хочется как можно скорее стереть с его лица. Желательно, чем-нибудь тяжелым.

С соседних столов сквозь прозрачные перегородки на меня уставились недобро и завистливо. Еще бы! Сам, нет, не так… Са-а-а-ам изволил обратить на меня внимание и даже знает мою фамилию. Лучше бы он ее забыл. Но как забудешь фамилию того, о ком говоришь чуть ли не на каждой планерке!

Я кисло улыбнулась и стала набирать номер.

Мы продаем канцтовары. Мы – это наш отдел, низшая каста, неприкасаемые. Крутые ребята продают оргтехнику, кулеры, кофемашины и прочее офисное оборудование. А самый крутой парень ничего не продает, он пинает других, чтобы они делали это лучше. А еще мотивирует. О, мотивация и тренинги – это отдельная история. Я не буду о них сейчас рассказывать. Но когда расскажу, поверьте, вы разрыдаетесь.

Наверное, услышав о продаже канцтоваров, вы вспомнили гениального Ди Каприо и его «Продайте мне эту ручку». Забудьте! Если бы это было так просто, как в кино, я бы каждый месяц становилась лучшим работником. Ну может быть, не каждый, а через один. Исключительно из чувства самосохранения, чтобы доброжелательные коллеги не придушили меня где-нибудь в подворотне и не упаковали в файлики в знак беззаветной любви к родной продукции.

На самом же деле лучшим работником месяца я была… Погодите, погодите, сейчас вспомню, сколько раз… Вспомнила! Ни разу!

К личности босса это не имеет ровным счетом никакого отношения. Но все-таки я должна об этом сказать, просто чтобы картина была полной. Я еще не знаю, зачем вам полная картина, может, она вам вообще не нужна. Ну раз уж я не пошла на психотренинг «Как не убить босса», нужно же мне кому-то выговориться.

– Да-да, благодарю вас. Безусловно, мне удобно. Через полчаса я буду. Конечно, вы сможете взглянуть на образцы лично. Мне тоже приятно с вами иметь дело! – я улыбаюсь самой идиотской улыбкой, хоть по телефону этого и не видно.

На том конце провода сказали, что в принципе им будет удобнее покупать канцтовары у нас – с доставкой, чем, как раньше отправлять снабженца в магазин. А если обслуживать их буду такая приятная и ответственная я, жизнь офиса сразу наладится, и всё наконец пойдет как надо. Только вот на картинках часто показывают одно, а в жизни – другое, поэтому неплохо было бы лично взглянуть на образцы.

Ну разве можно отказать таким приятным людям! Уж чего-чего, а образцов у нас немерено! И, кстати говоря, спрашивают за них не очень строго. Если бы я обладала хоть толикой предприимчивости, давно открыла бы свою маленькую розничную лавку, где просто загоняла эти образцы. А что, отличный бизнес, прибыль сто процентов. Но я, как вы помните, ничем кроме бесцельно прожитых лет не обладаю.

И именно поэтому сейчас в деловом костюмчике и на высоких каблуках потянусь на другой конец города показывать неведомому потенциальному клиенту папки, ручки, карандаши – все то, что он, конечно же, никогда в жизни не видел.

Я так яростно вышагивала по коридору, что было бы странно, если б не споткнулась, а все эти папки веером не упали бы на пол. Если вы собирали с пола папки, стоя на высоких каблуках – вы знаете, что это за удовольствие.

Казалось, хуже быть уже не может.

Но через минуту стало ясно, что очень даже может.

– Лисова, боюсь, вы меня неправильно поняли. Когда я говорил: «Продажи – это секс», не стоило воспринимать буквально. Я имел в виду внешний вид, взгляды,

улыбки, но уж точно что-то менее откровенное…

Я подняла с пола последнюю ручку и выпрямилась. Начальник улыбался, как будто бы вот прямо сейчас смешно пошутил. Как будто бы человека, который с утра до вечера втюхивает эксклюзивные шариковые ручки и элитные простые карандаши, вообще хоть что-то в этой жизни может насмешить.

Я тоже вежливо улыбнулась, словно и правда было весело, и ретировалась, потому что, если бы задержалась в этом коридоре еще немного, тренинг на тему «Как не убить босса» мне бы уже не понадобился. Вообще.

Никогда.

Глава 2

Это утро начиналось так же, как и любое другое утро буднего дня, – темень и безнадега. И я сейчас не о погоде. Погода была вполне себе ничего. Солнышко золотило все, что ему положено было золотить, птички пели то, что они обычно поют в таких случаях, а яркая майская зелень… тоже чего-то там делала, придумайте сами, мне что-то не хочется. Для меня каждый рабочий день – это сплошная и беспросветная чернота. Лишь по выходным реальность перестает быть густо-черной и окрашивается в приятный грязно-серый цвет.

Впрочем, это утро все-таки несколько отличалось от других. И даже, как ни странно, не в худшую сторону.

Мой вчерашний поход к клиенту увенчался успехом. Вполне приятный мужчина лет тридцати пяти, так воодушевился, увидев своими глазами канцтовары, что битых полчаса сравнивал точилки с бумагой для принтера и папки с дыроколами.

В результате мы пришли к неслабому консенсусу и теперь в моем портфеле лежал заказ на кругленькую сумму. Если честно, я не знаю, что их контора будет делать с таким количеством канцтоваров. Есть подозрение, что начнет приторговывать или раздавать нуждающимся, другого способа от них

избавиться я не вижу.

Перспектива быть повешенной на ту самую доску почета отчетливо замаячила впереди. Неужели утро может быть добрым? Я суеверно поплевала через плечо, попрыгала на левой ноге и в результате вписалась в угол стола. Нет, моя жизнь – это по-прежнему моя жизнь. В ней ничего не может быть идеально. И если сегодняшний день будет хотя бы не таким паршивым, как все остальные, меня это уже устроит.

Возможно, так бы и получилось. Я пришла бы на работу, отчиталась о достигнутых успехах, которые превзошли любые ожидания, и получила свою порцию фальшиво-искренних аплодисментов от коллег.

Но судьбе было угодно иначе. Судьба в лице моей родной тетки в эту минуту уже стучалась в двери. Вернее, набирала мой номер.

Нет, я не собираюсь винить эту женщину во всех своих проблемах. Если бы тетя Рая не вмешалась в мою жизнь, я бы нашла способ испортить ее себе самостоятельно. В конце концов, я не раз уже успешно справлялась с этой задачей.

– Ангелина, мне нужна твоя помощь.

Этот тон не обещал ничего хорошего. Обычно он означал, что с минуты на минуту придется спасать мир, и никак не меньше. Я замерла, с ужасом ожидая продолжения.

– У нас в подъезде прорвало трубу.

Спорить с вдовой подполковника – себе дороже. Обычно на это никто не решается. Поэтому я лишь робко заметила:

– Может, все-таки лучше сантехника? Я, если честно, в трубах не очень…

– Не говори ерунды, – оборвала меня тетя. – Сантехника давно уже вызвали. Но ему нужен доступ во все квартиры. И я не могу пойти на работу!

Я вздохнула и начала подбирать правильные слова и верныйтон. Такой, чтобы моей дражайшей родственнице сразу стало ясно, в какую пучину огорчения повергла меня эта новость и как я ей сочувствую. Не успела…

– Ты пойдешь туда вместо меня.

Здрасте, приехали!

С тетушкиной работой все было непросто.

Она трудилась менеджером по уборке в одном частном коттедже. Очень частном и очень коттедже. Какие чудеса творились в этом восхитительном загородном доме, я не представляла. Возможно, там на каждом шагу стояли золотые унитазы, инкрустированные бриллиантами, а вместо музыкального центра владелец этого дома жал на кнопку, из-за шторки выходила Монсеррат Кабалье и начинала ему петь.

Деталей тетушка никогда не раскрывала, потому как при приеме на работу подписывала какую-то там бумагу о неразглашении. Этой секретностью она очень гордилась и, чтобы близкие не забывали, какая ответственная и серьезная у нее служба, иногда начинала что-то об этом рассказывать, обрывала себя на полуслове, будто спохватившись, закатывала глаза и ахала, виновато разводя руками – увы-увы, подробностей не будет.

Тетушка всегда подчеркивала, что в отличие от моей, у нее настоящая работа, на которой платят настоящие деньги. Вот тут, что называется, крыть было нечем, потому что в данном конкретном случае не слишком удачливый менеджер по продажам с треском проигрывал менеджеру по уборке. Периодически тетушка заводила беседу о том, что пора мне перестать маяться дурью и пойти уже к ней в помощницы, а со временем (судя по ее критическому взгляду на меня, где-то лет через сто) я дорасту и до собственного коттеджа, и у меня тоже будет личный водитель.

Водитель! Это то, чем тетя Рая гордилась почти так же, как секретностью и зарплатой, а может быть, и больше. Нет, вы не подумайте, шофер не возил уборщицу своего босса, куда она прикажет. Просто хозяин жил вдали от шума и пыли, километрах в двадцати за городом, а переезжать к нему менеджер по уборке Раиса Пална не планировала, поскольку пришлось бы тащить туда всех

своих трех котов. Впрочем, и без котов хозяин ее не звал, предпочитая, чтобы прислуга была приходящей, вернее приезжающей. Поэтому водитель в семь утра забирал тетю Раю от подъезда, а к шести вечера возвращал назад. И раз в неделю возил в супермаркет закупить все необходимое для уборки.

– Вообще-то у меня тоже работа.

Я понимала, что спорить бесполезно, но не попытаться не могла.

– П-ф-ф, не смеши меня! Если ты потеряешь работу, через три дня найдешь точно такую же. Девочки на побегушках, которым можно почти не платить, очень востребованы. Да и в руководителях у тебя будет кто-нибудь поприличнее. Сплошную ругань и оскорбления даже за нормальную зарплату терпеть не годится, а уж за те гроши, которые ты получаешь!.. А если я потеряю работу, будет очень плохо.

Каюсь, как-то раз я пожаловалась тетушке на свои рабочие неурядицы. Разумеется, в моем тексте всего того, что она сейчас наговорила, не было. Я всего лишь сказала: «Чертов урод, и ведь как будто издевается: то на планерке отчитает, то задание глупое придумает, то дурой выставит перед всеми. Да такое и за хорошую зарплату терпеть нет смысла, не то, что за мои копейки!».

М-да, кажется, в моем тексте как раз это и было…

– А мой хозяин – человек вежливый, уважительный. Ну не могу я его подвести, – в голосе тетушки слышалось отчаяние, – он такой занятой, а сколько раз мне говорил: «Спасибо вам, Раиса Павловна, за вашу прекрасную работу, ваш вклад – просто бесценен! Если бы не вы, если бы не обеспеченный тыл, разве мог бы я всего добиться!». Ну и как я после этого не приду?

Я с трудом сдержала смех. Чему-то похожему нас учат на всех тренингах. Позитивная мотивация называется. Странно, что у кого-то это срабатывает. У меня вот ни разу не получилось.

Почему я согласилась?

Потому что мне жалко было замотивированную по самые кончики ушей менеджера по уборке Раису Палну? Возможно.

Потому что я боялась семейного скандала? Вполне возможно.

Потому что мне страсть как не хотелось ползти на работу и усаживаться за прозрачную перегородку? Очень даже вероятно.

А еще потому, что целый год мне намекали на невероятную роскошь и запредельные чудеса в том самом «очень коттедже». И раз уж у меня появилась возможность хотя бы одним глазком взглянуть на это восьмое чудо света, глупо было ее не использовать. Хотя бы просто для того, чтобы убедиться, что никаких чудес там нет, и убирается тетя Рая в самом обычном загородном доме.

– Но ты не бойся, «генералить» сегодня не надо, посуду вымоешь, шкафчики протрешь, то, се… В общем, справишься, – радостно тараторила в трубку Раиса Пална.

Я позвонила завотделом и соврала, что мне срочно понадобилось уточнить кое-какие детали со вчерашним клиентом. А еще у меня талон к зубному. И у тети прорвало трубу. Но это не имеет отношения к делу. Главное, что сегодня на работе я не появлюсь.

Проблема была решена.

* * *

Водитель приехал ровно в семь. Я не очень разбираюсь в машинах, но эта была большая, черная и блестящая. Настолько большая, настолько черная и настолько блестящая, что сразу становилось ясно – жуть какая дорогая! А потом шофер так бережно открыл ее дверцу, что я поняла: эта машина еще дороже, чем я думала!

Дальше было не очень интересно: город за окном, поле за окном, лес за окном. А потом случился коттеджный поселок, который охраняли как американские военные базы в голливудских фильмах.

Но нам почти беспрепятственно удалось пробраться на территорию этого объекта, и передо мной предстал «очень коттедж».

Нет, он действительно был крут, красив и трехэтажен. Я едва не присвистнула, когда увидела всю эту роскошь. А потом не выдержала и все-таки присвистнула, как только до меня дошло, что в данном случае значит: «то, сё». Да тут целая армия уборщиков нужна!

И если Раиса Пална справлялась с этой хороминой, с этой огроминой в одиночку, чудесное и благодарное начальство должно было носить ее на руках.

Роскошный коттедж встретил меня громкими звуками AC/DC.

Вот уж удивительно!

Судя по тому, с каким восхищением отзывалась о своем хозяине тетя Рая, таких музыкальных вкусов у него не должно было быть и в помине. Если бы моя жизнь была не уныло-серой, а веселой и радостной, как у обладателей «очень коттеджей» и прочих хозяев жизни, наверное, я тоже была бы не прочь взбодриться с утра такой музычкой. Но в моей квартирке устроить что-нибудь подобное… Я даже представлять не стала, что сделают со мной соседи. Причем, совершенно заслуженно.

– Кухня там.

После «Здравствуйте!» это были первые слова, которые сказал мне водитель. И я пошла на звуки музыки.

* * *

Хозяин дома на кухне присутствовал. Но вот одежда на нем практически отсутствовала. Вернее, нижняя ее часть была на месте: какие-то балахонистые шорты. А торс оказался совершенно не прикрыт и вполне строен. Мне почему-то хозяин жизни, «очень коттеджа» и Раисы Палны в придачу представлялся грузным мужчиной за пятьдесят.

Ну и ладно. Их сейчас полно – молодых и успешных.

Хозяин пил кофе и просматривал утреннюю прессу. Опять же ничего удивительного. Думаю, и то и другое бодрит не меньше, чем тяжелая музыка.

Он, видимо, почувствовал, что уже не один, а может быть, увидел мое отражение в окне. Во всяком случае, он обернулся, и после этого относиться к происходящему спокойно я больше не могла. На меня из-под стильных очков смотрел он – Никита Владимирович. Всеобщая любовь и моя нелюбовь.

Черт, как же я раньше не догадалась! Кто еще мог так обаять непреклонную и суровую Раису Палну.

– Лисова? – то ли очки делали глаза моего босса такими огромными, то ли действительно он был ошарашен.

Музыка тут же стихла.

– А что вы здесь… – он замолчал на полуслове.

Наверняка, следующим должно было стать «делаете». Но оно не случилось, кажется, он все понял сам.

– Вы племянница Раисы Павловны?

Я кивнула. А что мне оставалось делать? Состав преступления налицо. Отнекиваться бесполезно.

– Так это вы?.. – он снова замолчал. И это молчание мне совсем не понравилось. Я видела, что где-то там, в районе его высокого лба, идет какой-то мыслительный процесс. И результаты этого мыслительного процесса почему-то сильно не в мою пользу.

– А вы разве не работаете сегодня?

Черт, как неловко-то вышло. Я чувствовала, что краснею.

– Пришлось еще раз встретиться с заказчиком, чтобы уточнить кое-что по ценам. А еще – талончик к зубному. И прорванная труба… – я в точности повторила то, что завотделом скажет боссу, когда тот поинтересуется, куда делась любимая груша для битья и идеальный объект для искрометных насмешек.

– Ясно…

На его лице, как ни странно, не было обычной улыбки. Без улыбки он смотрелся непривычно. Представьте себе: пришли вы в Лувр взглянуть на Джоконду… Ну, ладно, понимаю, перебор. Заглянули в интернет, а там Джоконда – печальная и растерянная.

Черт, ну не настолько же растерянная!

Не может человека так огорчить тот факт, что его сотрудница прогуляла работу для того, чтобы помочь любимой тетушке. По большому счету, эта история вообще должна свидетельствовать в мою пользу, а не наоборот.

Если только…

Жуткая догадка заставила мое сердце уйти в пятки и провалиться еще ниже, туда, в подвал дома, где наверняка есть сауна и тренажерный зал.

– Знаете, Лисова, – снова заговорил мой начальник, – не нужно сегодня уборки. Скажите Раисе Павловне, что я даю ей выходной. А водитель отвезет вас домой. Зубы – это очень серьезно. Как известно, улыбка – главное оружие продавца.

Я смотрела в лицо своему боссу. И как продавец он был совершенно безоружен.

Глава 3

Путь назад занял целую вечность и еще чуть-чуть. Все это время я рисовала себе картины одна другой страшнее, рука сама собой несколько раз тянулась к сумочке – достать телефон, позвонить тете Рае и выяснить, насколько близки к реальности мои самые ужасные подозрения. Но мне всякий раз удавалось

одернуть непослушную конечность: вести подобные беседы в присутствии водителя было совершенно не к чему.

Наконец я выбралась из дорогущей машины, дождалась, пока она продемонстрирует свой задний бампер на выезде из двора, и торопливо набрала номер.

– Значит так. Тряпки, губки и все остальное лежит… – не дожидаясь вопроса, начала инструктировать меня тетя Рая.

Прежде чем у меня получилось вставить хоть слово, я узнала все о местонахождении стратегически важных объектов в доме моего босса.

– Стой, стой! – мне еле удалось вклиниться в обрушившийся поток ценных указаний. – Он сказал сегодня не надо убирать… А теперь внимание: вопрос. Что ты ему говорила про меня?

– Я? – голос тетушки сделался таким важным, что стало понятно: будет врать.

Вранье мне сейчас без надобности.

– Мне нужно знать точно, что ты говорила ему обо мне, а главное – о моей работе.

– Ну, понимаешь… – в голосе тети Раи слышалось некоторое смущение, и это был практически смертный приговор, потому что смутить ее невозможно.

– Говори как есть.

– Я немножко поделилась с ним твоими проблемами на работе…

Я чуть не застонала в голос.

– В каких именно выражениях ты ими делилась? – хотя спрашивать не стоило. Уж выражения-то я могла себе представить.

– Ну… Возможно, в резковатых… Никита Владимирович приятный и отзывчивый человек, и у него тоже торговая компания, я и подумала…

К этому моменту в речи драгоценной родственницы я уже практически билась головой о подъездную дверь.

– …вдруг он на тебя глянет, может, и предложит у себя хорошую должность.

– Предложит, обязательно предложит, – сказала я в трубку и отключилась.

Ну почему я не додумалась взять с драгоценной тетушки подписку о неразглашении?

Вот и всё. Была у меня работа, и нет у меня работы. А уж с той рекомендацией, с которой меня выпрут, шансов, что я ее когда-нибудь вообще найду, практически нет. По крайней мере в этом столетии. И в этой галактике.

Раз уж мои зубы вполне себе обойдутся без зубного, трубы у тетушки тоже в полном порядке, встречаться с клиентом я не собиралась с самого начала – получается, у меня вроде как последний законный выходной. Потому что завтра я стану безработной. И нужно провести его…

Стоп!

Что-то в мелькнувшей мысли было важное. Разумеется, не в той части, что касалась безудержного веселья в последний выходной, а раньше. Заказчик! Ну конечно, у меня в портфеле сейчас лежит последняя возможность получить хоть какие-то деньги.

Если вчерашний большой заказ от приятного и славного мужчины пройдет по бухгалтерии, то меня выпрут с работы не с фигой в кармане, а с очень даже приличными процентами, на которые я смогу прожить месяца три уж точно. И кто знает, вдруг за это время я доберусь до соседней галактики и найду-таки работу.

Я скрутила волосы в тугой узел, нарисовала себе лицо, упаковалась в деловой костюм и ослепительно улыбнулась перед зеркалом. Ни в коем случае нельзя

допустить, чтобы у меня на лбу было написано: мой босс узнал, что я говорю о нем за спиной, и в ближайшие пятнадцать секунд планирует меня уволить. На лбу надо написать что-нибудь более жизнеутверждающее.

* * *

Я зашла в кабинет нашего завотделом, сияя улыбкой победителя всего на свете во всех категориях.

– Ты же собиралась к зубному? – продемонстрировал он отличную память и внимание к частным делам сотрудников.

– Собиралась, – улыбалась я во все тридцать три. Так, градус улыбки, пожалуй, стоит снизить, иначе он воочию убедится, что все зубы, вплоть до «восьмерок», у меня в полном порядке. Да и не может быть настолько довольной рожи у человека, которому предстоят пытки в кресле стоматолога.

Я достала бланк заказа и протянула начальнику. Он прочитал, тоже ослепительно улыбнулся, а дальше сделал то, после чего я решила, что из нас двоих к врачу нужно не мне. И не к стоматологу.

Продолжая радостно улыбаться, завотделом начал рвать бланк на мелкие кусочки. Может быть, ему уже сообщили о том, что я нынче персона нон-грата? Но даже это не повод отправить в мусорку такой крупный заказ.

– Фирма «Солярис», – со смехом сказал он. – Скажите-ка, Лина, а вас не смутило, что им вдруг понадобилось так много канцтоваров?

Возмущение варварскими действиями застряло у меня в горле, не успев вырваться наружу. Я ничего не ответила, но про себя подумала, что да, смутило.

– И вы наверняка носили им образцы, – он улыбался, как фокусник, который достал из пустой шляпы кролика и теперь наслаждается изумлением публики. – В этом же нет ничего странного! Разве может нормальный человек купить папку, предварительно не ткнувшись в нее носом?

Я без сил опустилась на стул. Мой последний шанс уплывал в далекую даль, даже не помахав ручкой. Неужели это все какой-то глупый розыгрыш?

– Да-а, Лисова, – продолжал плясать на моих костях завотделом, – сколько вы у нас работаете?

– Полгода, – выдавила я. – Семь месяцев, если точнее.

– Удивительно, остальные агенты нарываются на «Солярис» в первые недели, ну максимум месяц работы… По крайней мере, теперь понятно, почему вы не делаете особых успехов.

– Что за «Солярис»? – раз уж лодка моей жизни идет ко дну, я имею право знать, кто пробил в ней днище и насыпал камней.

– Владелец фирмы – бывший однокашник нашего Никиты Владимировича. Что они там сто лет назад не поделили, не знаю. Но у него установилось стойкое неприязненное отношение к нашему боссу.

Сдается мне, владелец «Соляриса» тот еще засранец. Но я не могла не почувствовать в нем родственной души. Стойкое неприязненное отношение к боссу – вот прям мое. Мы с этим «Солярисом» могли бы на этой почве даже подружиться, тем более мужик-то симпатичный. Стали бы периодически напиваться с горя, и третий тост у нас бы не менялся из года в год: «Чтоб ему пусто было!», и не нужно было бы называть, кому именно, все понятно без слов.

Но, похоже, этой дружбе уже никогда не случиться. Судя по всему, «Солярис» подложил мне какую-то крайне неприятную свинью.

– Они издеваются, – продолжил завотделом. – Приглашают к себе новичков, если те звонят, отбирают у них кучу времени, создают огромный заказ, но, разумеется, никогда его не выкупают.

Новичков. Это слово больно резануло по ушам. Новичок на такое мог повестись, но я-то не новичок. Если честно, совсем-совсем честно, уволить меня все же стоит. И когда Никита Владимирович подпишет соответствующий приказ, я на него даже обижаться не буду.

А на кое-кого другого – буду.

– Спасибо, пожалуй, я пойду к зубному.

Вот теперь у меня правильное выражение лица, теперь каждый поверит, что ничего приятного мне в ближайшие часы не предстоит. И ошибется, потому что очень даже предстоит. Раз я потеряла работу, жизнь моя кончена и все летит в тартарары, почему бы не позволить себе удовольствие расцарапать лицо этому самому «Солярису».

– Кстати, Лисова, – раздалось из-за спины, – Никита Владимирович просил вас зайти, как только вы появитесь.

Нет-нет-нет! Общаться с Никитой Владимировичем прямо сейчас мне не хотелось от слова «совсем». Я поспешно скривила физиономию настолько, насколько это было возможно, приложила руку к щеке и простонала:

– Очень, очень острая боль!

Глава 4

В кабинет директора «Соляриса» я практически влетела. Нет, я, конечно, постучалась, но стук был тихим и коротким, и уж точно он уступал по громкости тому, как громыхнула дверь об стену. Я стояла на пороге аки Немезида, богиня возмездия, и никакого продажного блеска в глазах, никаких положенных улыбок в моем арсенале не было. Нет, в арсенале, конечно, были, все-таки главное оружие как-никак, но по такому случаю я их упрятала в кобуру, чтобы не отсвечивали и не мешали интеллигентному разговору двух вежливых людей.

– Как вам не стыдно? – поздоровалась я с хозяином кабинета.

Если честно, никакого плана у меня не было. Убивать негодяя, крушить его мебель или делать что-то еще, что попадает под статью уголовного кодекса, я не планировала.

Жизнь моя, конечно, кончена и испорчена, но не до такой степени. А ограничиться только устным внушением было бы как-то недостаточно. Все-таки речь идет о моей испорченной жизни.

Хозяин «Соляриса», как бишь его, Павел Александрович смотрел на меня такими удивленными глазами, что сразу было понятно: ему никак не стыдно, вообще ни капельки. Ну, конечно, он ведь не считает чем-то зазорным отнять кучу времени у агента своего давнего неприятеля.

– То есть самому боссу вы морду начистить стесняетесь или кишка тонка? И поэтому отрываетесь на его агентах? Я вчера на вас полдня потратила! Прыгала тут, про папки рассказывала, как будто бы это космический корабль или баллистическая ракета. Надо было догадаться, любой нормальный человек в том, как закрывается папка, может разобраться и без посторонней помощи!

Если нельзя убивать и портить имущество, нужно хотя бы оскорбить и заставить усомниться в собственной мужественности. Замена, конечно, неравнозначная, но приходится брать, что есть.

– Оба вы хороши! Не понимаю, что вам враждовать, прекрасно бы нашли общий язык. Я, между прочим, вчера с вами полдня потеряла. А теперь меня увольняют…

Строго говоря, в моем увольнении он был не виноват. Но меня уже несло, я не могла остановиться.

– Я останусь без средств к существованию! И всё из-за вас!

Черт, получилось как-то неубедительно.

Пока я шла сюда, я представляла, какими эпитетами награжу вероломного заказчика, который вовсе не заказчик. А теперь все это куда-то пропало. Остались только какие-то странные упреки на уровне жалоб воспитательнице в детском саду или еще хуже – супружеских обвинений: ты мне жизнь сломал, я на тебя свои лучшие годы потратила.

На всех этих тренингах нас зачем-то учили находить с людьми общий язык и вызывать у них симпатию. Совершенно бесполезное умение! Почему было не научить нас чему-нибудь по-настоящему нужному. Ранить в самое сердце одним прицельно брошенным словом или показать человеку, что он ничтожество, просто изогнув бровь. Но нет, ничего этого я не умела, и от отчаяния уже была готова разрыдаться.

– Вы закончили, Лина? – очень вежливо спросил меня Павел Алексеевич. Да, кажется, все-таки Павел Алексеевич.

– Вы мне сломали жизнь, – добавила я на всякий случай.

Но это было уже и вовсе жалко. Настолько жалко, что моя сломанная жизнь встала у меня перед глазами во всей своей чудовищной непривлекательности. В носу защипало, и я поняла, что еще немного – и я разрыдаюсь.

– А теперь давайте, Лина, я налью вам кофе, и вы мне объясните, что случилось и какое отношение мой вчерашний заказ имеет к вашему увольнению и к вашей сломанной жизни.

– Ну как же? – я достала из сумочки платок и промокнула глаза. – Фирма «Солярис». Вы с нашим боссом в контрах, и поэтому издеваетесь над агентами. Заставляете их приносить вам образцы, как будто бы этих образцов никогда в жизни не видели, тратите кучу их времени, а потом ничего не покупаете.

«Солярис» все это время колдовал над кофе-машиной. Надо же какой самостоятельный! Даже кофе сам делает, не поручает секретарше. Ну, конечно, секретарша же своя, собственная, это не чужие агенты, чье время вообще ничего не значит. Он поставил чашечку на стол и усадил меня возле этого стола. Сам сел напротив и сказал слово, которое заставило меня покраснеть до кончиков ушей:

– «Солярус», Лина. Наша фирма называется «Солярус». Я не знаю, что там у вашего босса с нашими почти тезками.

– Вражда.

Уж не знаю, почему я решила, что этот пробел в знаниях заказчика обязательно надо восполнить.

– Они вроде бы одноклассники. С тех пор и враждуют.

Я посмотрела в лицо своему оппоненту. Нет, ну как же можно быть такой непроходимой дурой? Как они могут быть одноклассниками, если этот «Солярис»-«Солярус», ладно так уж и быть, за хорошее поведение вернем ему имя. Павел… Отчество никак не вспоминалось, а смотреть в визитку было неудобно, поэтому он остался просто Павлом. В общем, если этот Павелна хороший десяток лет старше моего босса.

Заново проименованный Павел смотрел на меня с каким-то странным выражением лица.

– Наверное, это не так уж и важно, – наконец, выговорил он. – В любом случае наш бухгалтер с утра оплатила счет. Думаю, комиссионные покроют ваши страдания по поводу бездарно потраченного дня…

Черт, ну что же сегодня за день такой? А ведь с утра он обещал оказаться вполне приличным. В результате еще едва перевалило за полдень, а я уже умудрилась потерять работу и оскорбить целых двух человек. И если первого было не жалко, то перед вторым получилось как-то совсем неудобно.

Ну почему на тренингах нас учат всякой мути, а тому, как помириться с заказчиком, когда ты его только что нечаянно размазал по стенке, ничего не говорится. Или я единственный продавец, который использует эту тактику в работе, а остальные продавцы своих заказчиков холят и лелеют и никуда не размазывают?

Я отставила чашу в сторону, посмотрела в глаза моей внезапно возникшей проблеме и совершенно искренне сказала:

– Простите. Я очень разозлилась и поэтому несла…

Я хотела сказать «всякую чушь», но он меня перебил:

– Именно то, что думали. Что ни один нормальный человек не будет разбираться в устройствах шпингалетов на папке так, словно это баллистическая ракета.

Я вздохнула. Мне было искренне жаль. И даже не потерянного заказчика (какое мне дело до потерянного заказчика, меня же увольняют), а просто Павла, приятного, в общем-то, мужчину, который после того, что я ему наговорила, не вышвырнул меня вон, а сидит и отпаивает кофе.

– Как я могу искупить свою вину? Хотите, буду целую неделю убирать вам офис. Все равно меня уволят, так что никаких планов у меня на это время нет.

А что, тетя Рая будет мной гордиться: наконец-то нашла достойную работу.

– Использовать такого ценного специалиста на уборке? Что вы! – улыбнулся Павел. – Мой внутренний кадровик будет страдать. Давайте-ка вот что мы сделаем, – он развернул монитор компьютера, – Я зашел на сайт вашей фирмы и посмотрел каталог. Мне нужно это, вот это и это.

Он начал тыкать пальцем в принтеры, кулеры, кофе-машины и прочие волшебные вещи, на которые рядовому продавцу канцтоваров даже дышать не положено. Я все поняла: он не давний враг Никиты Владимировича, он хуже. Он просто сумасшедший. Кажется, надо допивать кофе и потихонечку отсюда уходить.

– Простите, Павел, – предельно вежливо и осторожно, как к душевнобольному обратилась я, – но у вас такой маленький офис, куда вы все это поставите? И здесь совсем нет сотрудников.

Я пористроила чашечку на край стола, готовая вскочить и выбежать за дверь до того, как мой невменяемый клиент озвереет и начнет швыряться мебелью.

– Еще кофе? – он вроде бы пока что не планировал звереть. – Это головной офис. Я, знаете ли, не люблю все это: посетители, беготня, шум. А так-то у нашей компании несколько десятков офисов по всему городу. И в ближайшее время мы открываем несколько новых. А в течение полугода планируем расшириться и в пригороды. Вроде бы пока дела идут неплохо, так что найдем, куда поставить. Но учтите, вам придется объяснять мне, как это все работает, как будто бы это баллистическая ракета.

– Адронный коллайдер, – выпалила я, – так, как будто бы это адронный коллайдер.

Глава 5

Нет, этот день все-таки не так уж и плох. Есть подозрение, что меня уже не уволят. Кто увольняет курицу, несущую золотых Павлов Александровичей или Алексеевичей?

Кстати, все-таки Александрович или Алексеевич? Следовало бы вернуть хорошему человеку незаконно отобранное отчество. Я полезла в сумочку, достала визитницу, покопалась в ней. Если честно, визиток было не так уж и много, так что нужная нашлась быстро.

Александрович, конечно, Александрович, как я могла забыть.

Но практически в ту же секунду, как я взглянула на визитку, информация об отчестве директора стала совершенно лишней.

На визитке русским по белому крупными буквами было написано «СОЛЯРИС».

Нет никакого «Соляруса».

Нет никакого заказа на принтеры.

Нет никакого заказчика Павла, с которым мы будем обсуждать адронные коллайдеры.

Есть самый глупый в мире агент, которую в одном и том же месте обманули дважды, при том что она была предупреждена: там обманывают.

Профнепригодность как она есть.

День снова стал… К черту! Мне надоело следить за перепадами в его цветности. Тем более что сейчас у меня есть дела поважнее: пойти и написать заявление об уходе.

Не дожидаясь беседы с боссом. Не дожидаясь новых унизительных подколок, теперь уже не только от него, а от остальных обитателей нашего дружного серпентария.

* * *

Заявление об уходе можно подать и начальнику отдела, а он там уже передаст его вверх по вертикали. Хоть несравненному Никите свет Владимировичу, хоть самому господу богу.

Получу расчет, уеду на недельку за город, к счастью, это можно сделать практически бесплатно, и там на природе под сенью струй подумаю о своей грустной жизни.

Возможно, пойду в копирайтеры. Это, конечно, унизительно, но зато не надо таскаться на работу и терпеть боссов. А платят там – как повезет.

Я представила себя через несколько месяцев копирайтерства: неделю неумытая, с всклокоченной прической, с красными от компьютера глазами. Коробки от пиццы по всей территории комнаты и много-много пустых чашек со следами кофе. А если раз в неделю или две придется выйти на улицу, поездка в маршрутке приравнивается к кругосветному путешествию.

Ух ты, люди! Смотри-ка, светофор! Надо же – вывеску сменили, раньше там был детский магазин, а теперь секс-шоп. Наверное, в детском магазине упал спрос, и они решили таким образом простимулировать.

Так вот однажды выйдешь из квартиры, а уже наступило будущее. Люди летают в флайерах, рубятся на световых мечах, а ты все еще пишешь вдохновенные тексты об изысканных смесителях, которые «удовлетворят даже самый взыскательный вкус».

В общем, это мы уже проходили. Нет, конечно, от безнадеги и безысходности можно вернуться и к смесителям, к тому же их иногда разбавляют керамической плиткой, детской обувью и даже автомобилями. За последние почему-то платят меньше всего. Но пока все-таки остается надежда, что сень струй вдохновит меня на что-нибудь более привлекательное.

Но в любом случае краны с унитазами не дадут умереть от голода.

* * *

В кабинет к завотделом я старалась проскользнуть тише мыши. Если сейчас написать заявление об уходе, не привлекая к собственной персоне лишнего внимания, кто знает, может быть, история о том, как вреднючий «Солярис» дважды обманул самого глупого в истории человечества агента, не станет местной легендой, которую будут рассказывать новичкам, после того как я уйду. Сама делиться подробностями нашей с «Солярисом» встречи я точно не собиралась.

– Линочка, а я вас жду, – завотделом встречал меня так, будто бы я его столетняя бабушка-миллиардерша, которая, безусловно, еще крепка здоровьем, но… все мы не вечны.

Он усадил меня за стол и бросился к кофе-машине. Я тяжело вздохнула. Кажется, я еще не скоро смогу смотреть на офисное оборудование без тяжелого вздоха. Будто бы на каждом принтере саморезами намертво прикручена табличка «Лина – дура!».

– Я сегодня с утра немножечко погорячился…

Передо мной возникла очередная чашечка с кофе. Они все сговорились и решили обеспечить мне бессонную ночь? Так не стоило беспокоиться! Вышвырнутые за борт жизни агенты спят вообще не слишком крепко. Им снится будущее, черное и беспросветное, как этот кофе.

– Дело в том, что Павел Александрович, – когда завотделом говорил это, глаза у него были как у бешеной улитки: практически вылезли из орбит, – оплатил заказ, и сейчас продукцию отгружают.

Я поперхнулась кофе. Есть подозрение, что мои глаза стали приблизительно такими же, как глаза собеседника.

– Оплатил?

– Да, никто не ожидал. Если честно, ему давно уже никто не звонил, и теперь я понимаю, что это было большим упущением. Это непрофессионально – переставать пытаться. Нельзя переставать пытаться! Возможно, у человека изменились обстоятельства, возможно… – он вытер платком пот со лба. – Да после этого всё возможно. И, безусловно, на ближайшем собрании я приведу вас в пример другим сотрудникам.

– Не надо, – быстро ответила я.

Перспектива быть задушенной в подворотне и упакованной в файлики теперь всерьез замаячила перед глазами.

– Увы, без этого никак. Вы же понимаете, положительная мотивация, пример товарищей – это очень важно.

Он перешел на тот искусственно-поучительный тон, которым проводил планерки в те редкие дни, когда Никите Владимировичу было лень издеваться над сотрудниками лично.

– Я бы хотел попросить вас об одолжении. Утренний инцидент… – завотделом покосился в сторону урны, где мирно покоились обрывки моего заказа, – не нужно сообщать о нем Никите Владимировичу. Мне бы не хотелось…

– Да какие вопросы! – как можно быстрее ответила я. Лебезящий завотделом – зрелище еще менее приятное, чем тот же завотделом, учащий меня жизни и продажам. – Так я пойду?

– Куда? – не понял заведующий. Кажется, он собирался еще с полчаса беседовать с новым ценным сотрудником.

– Работать, – ответила я.

– А, ну как же! Конечно.

* * *

Не успела я усесться за свою стеклянную перегородку, как возле нее нарисовалась агент Кристина. Я точно знала, как ее зовут, потому что ее довольная физиономия висела на той самой доске с завидной периодичностью. И что характерно, душить ее за это в подворотне никто бы не решился. У этой миловидной дамочки был взгляд убийцы и хватка бультерьера.

– Скажи честно, ты ему дала?

Действительно! Разве можно поверить, что такое ничтожество как я в состоянии сделать продажу века?

Кристина окинула меня оценивающим взглядом и, кажется, отбросила эту вероятность тоже:

– Нет, вряд ли… Он твой родственник?

Я вздохнула. Ну она сама напросилась!

– Ладно, тебе по старой дружбе расскажу. Просто я пришла к нему в кабинет, – я понизила голос, – а там… – Кристина наклонилась пониже, готовая услышать наконец всю правду. – Он и наш Никита Владимирович… прямо на столе, представляешь?

Если бы завотделом увидел, какими круглыми на самом деле можно сделать глаза, он бы умер от зависти. Но он не видел.

– И? – спросила меня Кристина.

Черт побери, неужели я так плохо выгляжу? То есть в эту чушь она готова поверить, а в то, что Павел Александрович впечатлился моими прелестями, – нет.

– Ну, я и сказала: будете теперь до конца жизни покупать друг у друга канцтовары, а мне процент! Иначе пойду и расскажу все Кристине. Ой, уже рассказала…

Лучший продавец месяца несколько секунд буравила меня взглядом, пока, наконец, до нее не дошло, что ее только что послали с глупыми вопросами куда подальше. И она, бросив напоследок на меня уничтожающий взгляд, отчалила.

А из-за соседней перегородки раздался голос красавицы Леночки:

– Что, правда?

Я посмотрела на нее устало. Ну кто меня вечно тянет за язык? Еще не хватало к списку моих прегрешений против света очей добавить то, что я запустила про него дурацкую сплетню.

– Знаешь, а я так и думала. Он весь такой красивый, – она томно вздохнула, – ухоженный! И ни на кого не смотрит, а ведь здесь столько красивых девушек, – Леночка поправила волосы.

Я даже не стала вздыхать. Похоже, я обречена делать глупость за глупостью. Простите, Никита Владимирович! Честное слово, я этого не хотела.

– Ну теперь, по крайней мере, ясно, почему… – снова подала голос Леночка.

Что именно «почему», она не сказала. Неужели подкатывала к боссу?

Она уже открыла карманное зеркальце и разглядывала в нем свою неземную красоту, словно бы пытаясь убедиться, что та никуда не делась. Просто ценитель нынче не тот пошел.

В этот момент завибрировал мой телефон. Я ожидала, что это будет клининг-менеджер всех времен и народов Раиса Павловна. После сегодняшних событий она как-то на удивление долго меня не допрашивала и не требовала отчета о случившемся. А уже как бы пора. Впрочем, возможно, она поняла, как глубока была ее ошибка и не решалась мне позвонить. Нет, эту мысль я отбросила как неконструктивную. Чтоб моя тетушка чего там не решалась? Такого не бывает.

Это она все решит и порешает. Одна за всех.

Номер был незнакомым. У нормальных людей уже одно это могло считаться поводом не отвечать на звонок. Но для агента незнакомый номер на дисплее – это всегда шанс. Вдруг кто-то по каким-то своим соображениям забрался на сайт компании и среди десятков контактных номеров агентов выбрал именно твой.

– Да, – с придыханием пропела я в трубку.

– Лисова? – прозвучал оттуда знакомый голос, слегка искаженный динамиками.

Еще одна минута славы. До этого свет очей мне не звонил. А вот теперь даже интересно, уволит он меня или нет, потому как если слушать речи Раисы Палны, то от меня нужно избавиться как можно скорее. А если смотреть на пополнившийся счет компании, то вроде бы как и не стоит.

– Вам передавали, чтобы вы зашли ко мне? – по голосу Никиты Сергеевича трудно было понять, что меня ждет – премия или позорное изгнание.

– Передавали, – сказала я осторожно. – Но я работала с клиентом, – да что тут осторожничать! – А еще зубной… – наверное, не стоило дергать тигра за усы, но мне почему-то очень хотелось. Каждый снимает стрессы как умеет.

– …и прорванная труба. Да-да, я помню. А теперь, если вы со всем этим закончили, зайдите, пожалуйста, в мой кабинет.

Глава 6

Как я ни настраивала себя на то, что все будет в порядке, мне было страшно и неловко.

Если когда-нибудь вы говорили о ком-то плохо за спиной, а потом вдруг он об этом узнавал и вам приходилось с этим человеком встречаться и смотреть ему в глаза, вы меня поймете. Тут уж не важно, правда то, что вы говорили, или гнусный вымысел. Вы сплетничали, и это уже ставит вас в разряд существ

низшего порядка. А тот, кого вы незаслуженно оболгали (или заслуженно обложили правдой, это, повторюсь, не играет никакой роли), автоматически становится великомучеником, жертвой злостных инсинуаций.

Хотя, о чем это я! Вы наверняка не подставлялись там глупо. А вот я – очень даже да. Поэтому я с обреченным видом преодолела лестничные пролеты, постучалась, прошла мимо секретарши, которая придавила меня к ковровому покрытию презрительным взглядом старой девы, и открыла тяжелую дверь.

И тут же мои глаза ослепило сиянием нимба!

Ладно, вру, не было никакого нимба. Но должна же я была как-то показать, что обидела не кого-нибудь там, а этого святого человека!

– Здравствуйте, Лисова, присаживайтесь.

Я на всякий случай посмотрела, нет ли на стуле, на который мне широким жестом указал свет очей, канцелярской кнопки. Ее не было. Тогда я еще провела по сидению рукой: проверила наличие силикатного клея.

Не знаю, зачем.

Честно говоря, с трудом представляю Никиту Владимировича, который с выражением лица малолетнего пакостника, укладывает рядочком кнопки на мой стул.

А, нет! Вот представила. И вообще. Есть ли такая гадость, в которой я на все сто процентов не стала бы его подозревать? Вряд ли.

– Даже не знаю, что сказать… – шеф опять не улыбался.

Это настораживало. Черт возьми, неужели я что-то испортила в этом безупречном механизме? Раньше он всегда знал, что сказать. Впрочем, для человека, который привык купаться во всеобщем обожании, узнать, что кто-то его терпеть не может, должно быть очень болезненно. А главное – ведь тут же начинаешь подозревать, что и другие, возможно, любят его чуть меньше, чем кажется. А что, я ведь тоже не ходила на работу в майке с надписью «Андреев –

козел!»

– Я долго думал обо всей этой ситуации… И вынужден признать, что был не прав.

А вот это неожиданно. Как-то не так я представляла себе этот разговор.

– Я действительно относился к вам предвзято. Мне, как руководителю, следовало указывать на ваши недочеты лично, а не делать это при коллегах. Возможно, следовало поручить беседу с вами непосредственному начальнику. А шутки… Мне казалось, что таким образом в коллективе создается непринужденная атмосфера. Видимо, я ошибался. В общем, я обещаю, что впредь буду избегать панибратства. Вы готовы принять мои извинения и продолжать работать дальше?

– Ну… В общем… да, – не так уж и просто было выдавить из себя эти слова.

Интересно, а если бы не «Солярис», стал бы тут кто-нибудь передо мной извиняться? Впрочем, ответ очевиден. Разумеется, нет. Так что, как ни крути, а Павел Александрович сыграл мне на руку.

– Теперь к делу.

Покончив с извинениями, Никита Владимирович быстро избавился от неправильного выражения лица и снова засиял своей обычной улыбкой. Я выдохнула с облегчением. Значит, не сломался. Просто включилась какая-то доселе невиданная мною опция.

Видимо, переход от режима «У нас все отлично, чего и вам желаем» к режиму «Что за чертова хрень тут творится?» у Никиты Владимировича не слишком хорошо отработан. Ничего, десяток-другой тренингов – и научится, будет практически как живой.

– Я пытался направить в компанию «Солярис» нашего специалиста, который отлично разбирается в офисной технике. Однако, они, – это слово заставило его почти поморщиться. Чем же так насолил Павел Александрович нашему свету очей, что он даже имя его произносить не хочет? – отказались. Сказали, что

нашли специалиста, с которым предпочли бы сотрудничать и дальше по всем вопросам. То есть вас.

Звучало угрожающе. Нет, конечно, я разбираюсь в офисной технике. Ну, как разбираюсь – принтер от кулера отличу. Ну и все на этом. То есть всерьез работать с оргтехникой я не готова. Но, похоже, это вообще никого не волнует.

– Вот, пожалуйста, – босс протянул мне увесистую пачку листов формата А4. – Здесь список того, что мы можем предложить. Изучите его. Надеюсь, до десяти утра времени вам хватит. А завтра в десять вас ждут, – он умудрился почти не перестать улыбаться. Вот это мастерство! И все-таки заметно: Павел Александрович вызывает у него нечто похожее на зубную боль. – Вопросы есть?

Вопросы у меня были. Много. Но далеко не все их стоило задавать, и поэтому я спросила главное, что меня волновало на данный момент. С чего вдруг старый недруг сменил гнев на милость и вместо того, чтобы вдоволь поиздеваться над холопами неприятеля, решил взять да и затариться по полной?

– Этот Павел Александрович, – босс снова поморщился, – вернее, фирма «Солярис», – поправилась я, – говорят, они раньше принципиально не брали у нас продукцию. Вроде бы как по каким-то соображениям… – я почувствовала, что начинаю мямлить. Вот «Солярису» я все легко высказала, но почему-то сказать шефу что-то вроде: «Из-за ваших школьных разборок приличный клиент теперь не хочет с нами работать» язык не поворачивался. – А теперь вот берет…

Я решила не искушать судьбу и сразу перейти к главной части сообщения:

– С чем это связано, почему такая перемена?

На этот раз дежурная улыбка исчезала медленно, почти как у нормальных людей. Все-таки хорошая обучаемость – великое дело.

– Понятия не имею. И если вам удастся это выяснить, буду очень благодарен, если поделитесь и со мной.

– Насколько благодарны?

Это вырвалось помимо моей воли. Честное слово, я не собиралась! Оно сказалось само, как и большинство глупостей, которые говорятся.

Никита Владимирович окинул меня еще одним странным взглядом, но я уже не боялась, что что-то там испортила. Похоже, он неплохо восстанавливается. Вполне жизнеспособный, устойчивый к повреждениям механизм.

– А что бы вы хотели в качестве благодарности?

Вот нельзя мне задавать таких вопросов. Конечно, в качестве благодарности я бы не отказалась отжать у него «очень коттедж». Ну ладно, хотя бы половину коттеджа. Надо же ему тоже где-то жить.

Ну или, к примеру, чтобы, когда я приходила на работу, он лично открывал передо мной двери, провожал меня за мою перегородку из оргстекла и громко желал: «Удачного вам рабочего дня, Ангелина Валерьевна!».

Или нет, с чего это я буду ютиться за перегородкой? Пусть бы уступил мне свой кабинет, а сам пересел за перегородку со словами: «И так будет с каждым, кто настолько бездарен, что годами не может ничего продать уважаемому Павлу Александровичу!».

Я, похоже, чересчур задержалась с ответом, а все эти мечты отразились на лице, потому что свет очей как-то торопливо ответил за меня сам:

– Мы можем обсудить это, когда будет о чем говорить.

Тоже верно. Но раз уж мне разрешили задавать вопросы, был один, который на продажи оргтехники никак бы не повлиял, просто мне было жуть как любопытно. Полдня сегодня мне это не давало покоя.

– А еще этот Павел Александрович, – снова туча пробежала по челу нашего босса и оперативно растворилась, – то есть владелец «Соляриса»… Он же старше вас. Как вы могли вместе учиться?

– А мы и не учились вместе. Вернее я учился, а он преподавал. В школе, в старших классах.

– Это как же вы его достали!

Черт, мне определенно нужен намордник или кляп. Или такая специальная примочка, которая не позволяет словам вырываться раньше, чем их обдумаешь. Мозг называется. У некоторых есть, говорят, отличная штука.

Я зажала рот руками, но было поздно.

– Я? – улыбка Никиты Владимировича стала какой-то нехорошей, – да я практически стал его счастливым билетом в жизнь.

И по тому, как посмотрел на меня «счастливый билет» Павла Александровича (чтоб им обоим было пусто, и «билету», и «обилеченному пассажиру»!), я поняла, что нужно выметаться из кабинета. Прижала к груди пачку бумаги и, спотыкаясь на каждом шагу, вылетела за дверь.

* * *

Есть подозрение, что я все-таки плохой работник. Хороший работник весь вечер посвятил бы изучению той самой папки, которую мне выдали, но я к ней даже не притронулась.

Но я не раскаиваюсь.

Возможно, работник из меня не очень, но соображать-то я немного соображаю! Если ты до сегодняшнего вечера не знал о принтерах ничего, узнать о них все к утру невозможно.

Поэтому завтра я сделаю то, что делала на протяжении четырех с половиной лет заочного обучения: буду улыбаться, глядя в лицо экзаменатору, и тыкать пальцем в первый попавшийся ответ, авось угадаю.

К счастью, в данном случае не угадать невозможно. Не станете же вы подозревать, что Никита свет Владимирович торгует какой-то некачественной дрянью! Вон их сколько, товаров! Целая пачка бумаги ушла, чтобы перечислить. И каждый по-своему прекрасен.

И какой ни возьми, ни за что не пожалеешь! А если пожалеешь, то лишь о том, что не купил два.

В общем и целом стратегия была выработана, а вот тактика…

Если честно, бывшему преподу, а ныне серьезному бизнесмену Павлу Александровичу по-прежнему хотелось расцарапать лицо. Но доводы в пользу того, чтобы этого не делать, были весомыми.

Так что я до поздней-поздней ночи смотрела в потолок и пыталась себе представить, каким будет наш завтрашний разговор. Вот он скажет это, а я отвечу то, и тогда он…

Все, что мне представлялось, было плохо, просто отвратительно, потому что Павел Александрович, как выяснилось, жутко неприятный тип. Возможно даже куда более неприятный, чем Никита Владимирович.

Вот уж не думала, что когда-нибудь такое скажу, но за место в моем сердце, которое предназначено самому ненавистному существу, им еще придется побороться.

Впрочем, они могут поместиться туда оба: у меня очень большое сердце.

Глава 7

Я едва не опоздала. Прическа, макияж, костюм – сегодня на все это ушла целая уйма времени. Стрелки на глазах рисовались криво, волосы укладывались не так и не туда. А все деловые костюмы как будто бы сели за ночь на размер – ни один не хотел ложиться по фигуре. Это была война! Но в кабинет к Павлу Александровичу я пришла во всеоружии: ослепительно улыбаясь. Кое в чем наш шеф все-таки прав: улыбка – хорошее дело, особенно когда ты ничего не знаешь ни о товаре, ни о потребностях покупателя.

На этот раз в кабинете наш новый любимый заказчик был не один. Рядом с ним сидел юноша ботанистого вида и с умным видом тыкал пальчиком в монитор.

«Солярис» поднял на меня взгляд, но надолго его не задержал:

– Вы уже здесь? Отлично, присядьте и подождите, мы сейчас закончим. Если хотите, можете сделать себе кофе, – он кивнул на кофемашину.

Я решила не рисковать. Кофе я выпила утром, а с моим везение эта чертова машина наверняка бы сломалась в ту же секунду, как я до нее дотронусь. Развалилась на кусочки, или выдала бы вместо кофе морковный сок, или не знаю, что бы еще сделала, но нашла возможность выставить меня перед новым заказчиком полной дурой. А свое неумение обращаться с техникой демонстрировать не хотела.

О чем там говорили «Солярис» с ботаником, я не вслушивалась. В конце концов, я тут в качестве агента по продажам, а не в качестве промышленного шпиона, что бы там себе ни мечтал на эту тему Никита Владимирович.

Наконец они закончили и отправили на принтер какой-то важный документ. Наверное, важный. Не могу же я предположить, что такой серьезный человек, как Павел Александрович, в десять утра будет заниматься какой-нибудь ерундой!

Как только ботаник вышел из кабинета, «Солярис» перевел наконец-то взгляд на меня и расцвел улыбкой.

– Вы негодяй, – не слишком уверено заявила я. – Вы меня обманули.

– Лина, вы повторяетесь. Негодяем и обманщиком я уже был вчера, а еще сломал вам жизнь.

– И что, с тех пор вы исправились? Снова меня обманули. Наплели про «Солярус»…

Когда-нибудь, когда я стану великим продажником, лучшим торговцем всех времен и народов, а заодно бизнес-тренером и коучем (что бы это ни значило), я буду рассказывать молоденьким и глупеньким студентам, как ни в коем случае нельзя разговаривать с заказчиками. И обязательно включу в список «запрещенки» все то, что только что наговорила Павлу Александровичу.

Но, разумеется, никому не скажу о том, на какую сумму можно получить заказ, если начинаешь свое общение с клиентом такими вот простенькими фразами. Как сумасшедший из анекдота, удвший рыбу в наполненной ванне, сказал врачу: «Не клюет!» – чтобы не выдавать рыбных мест.

Мне в руки снова легла стопка листков.

– Вот наш заказ, там списки товаров и офисы, куда их нужно доставить.

Эта фраза практически примирила меня с загубленной жизнью.

– Так вы и пальцы за меня загибать будете! – восхищенно проговорила я.

«Солярис» улыбнулся уже теплее. Ну да, все мы родом из детства. Все любим мультфильмы.

А вообще, стоит признать: отличная у меня работка получается! Лишь бы сейчас вслед за молодцами из ларца Павел Александрович не заявил, что есть (то есть получать комиссионные) он тоже будет вместо меня.

– Ну что ж, раз тут мы закончили, предлагаю отпраздновать нашу великую сделку и позавтракать вместе, – с улыбкой сообщил Павел Александрович.

Улыбался он хорошо, профессионально, а потому у меня не мог не возникнуть вполне логичный вопрос: что сейчас мне попытаются «продать»?

Видимо, сомнения отразились у меня на лице. Как-то все слишком радужно получается. И потому волей-неволей возникает вопрос: где тут мышеловка, в которую меня загоняют?

– Да не смотрите на меня так, не думали же вы, что я и правда поручу вам выбирать оргтехнику? Мне вообще-то надо, чтобы она работала, а еще работала так, как мне надо. Так что я пригласил стороннего специалиста. А что касается завтрака, считайте, что это деловой ланч. Я же вижу, что у вас накопились вопросы, и разве не удобнее задать их в неформальной обстановке?

Что есть, то есть. Вопросов у меня поднакопилось. Но даже при этом завтракать в компании «Соляриса» не особенно хотелось. Тяжело вздохнув, я согласилась.

Вперед, к мышеловке!

* * *

– Почему вы передумали? Почему решили покупать у нас?

– Вам сказать правду? – задал он не менее странный вопрос.

Ну что вы, зачем? Просто придумайте что-нибудь! И вообще, к чему так напрягаться? Я лучше сама за вас придумаю.

Например, вот: Павла Александровича похитили инопланетяне, и теперь вы за него. Или вот: у вас ретроградная амнезия и вы напрочь забыли, что вам положено ненавидеть нашего босса, а не торговать с ним.

В общем, я очень хотела так ответить, но не стала. Что-то подсказывало мне, что с Павлом Александровичем придется подружиться. Ну или хотя бы сделать вид.

– Конечно, правду, – улыбнулась я.

– Я вам расскажу, но при одном условии. Мне бы не хотелось, чтоб об истинных причинах узнал Никита Владимирович. Вы можете мне это пообещать?

Черт, как неловко получилось. А вот Никита Владимирович как раз наоборот очень хочет узнать об этих истинных причинах. Налицо конфликт интересооы. Но он не сообразил взять с меня обещание, что как только я получу нужную информацию, я, как червячка в клювике, приволоку ее в родное гнездо. А вот Павел Александрович попросил. Змей. Знает же, что мне любопытно просто до смерти.

А вот, чего он не знает, так это того, что я обычно держу обещания. Даже глупые. Даже такие, что потом удивляюсь: что это на меня нашло, что я такое обещание дала? И все равно держу. Если честно, это очень мешает жить. Но,

увы, ничего не меняет.

– Обещаю, – обреченно проговорила я.

В конце концов, если все это часть какого-то коварного плана и «Солярис» собирается убить моего босса, мне вовсе необязательно сообщать все ему самому. Достаточно пойти в полицию. И вообще, я обещала не рассказывать. А не отправлять анонимных писем не обещала. И не писать об этом краской у босса под окнами тоже не обещала.

В общем, если что – выкручусь.

– У нас изменились обстоятельства. Раньше мне действительно это ваше всё, – он сделал широкий жест в сторону моего портфеля, где лежал список, – было не очень нужно. По крайней мере, в таких количествах. Но недавно инвестор, – это слово Павел Александрович произнес с придыханием, не хуже нашей уборщицы, когда та говорила о боссе, – принял решение расширяться. Дела идут неплохо, а могут идти еще лучше. Мы открываем офис за офисом, по два-три в месяц. А у вас, если честно, самые выгодные условия.

Я была разочарована. Я ждала интриг и тайн. А тут вот оно что. Просто бизнес, и ничего личного. Но Павел Александрович, кажется, не видел, что мне стало безумно скучно, и воодушевленно расписывал:

– Обратиться в вашу фирму сам я не мог. Поэтому ждал, когда же ко мне пришлют очередного проштрафившегося агента.

– Проштрафившегося? – история снова станаловилась интересной. – Что вы хотите этим сказать?

– Ну как же? Я думал, Никитка так своих наказывает: присылает ко мне, хоть заранее ясно, чем это закончится. Или это, может, тренинг какой – показать сотрудникам, что вот такие бывают уроды заказчики, чтоб жизнь, значит, медом не казалась. А иначе почему меня после первого же финта ушами в черные списки не внесли?

Хороший вопрос. Возможно, потому что у нас нет никаких черных списков.

– И как назло в последние два месяца никого не присылали. Я уже почти отчаялся. А тут вы. Просто подарок судьбы!

Мне почему-то показалось, что сейчас он скажет что-то важное. Что-то такое, ради чего эти два дня беззаветно отпаивал меня кофе, эксплуатировал посторонних ботаников, лишь бы я не напрягалась, и даже расщедрился на ланч в приличном ресторане.

А еще (называйте это предчувствием или как хотите) вдруг подумалось, что ничего хорошего в этой связи меня не ждет.

– Так себе подарочек, – вздохнула я. – Явилась бы к вам Кристинка, никто бы и не удивился: эта снег зимой продавать может. Пришла бы Леночка – тоже бы никто не удивился: ради ее прекрасных глаз многие и не столько покупают. Но я…

Да что же это! У меня в ушах словно зазвучали фанфары, а бодрый голос ведущего объявил: «Антирекламная пауза! Неконтролируемые приступы честности. То, что испортит вам любой бизнес! Покупайте только у нас! Неконтролируемые приступы честности. Всё, что вам нужно для грандиозного провала!».

– В общем, все только и гадают: с чего бы мне привалило такое счастье, и что вдруг случилось с вами, – со вздохом закончила я.

Будет забавно, если выслушав эту исповедь, драгоценный «Солярис», комиссионные от которого я уже мысленно получила и на две трети потратила, вдруг заявит: «Серьезно? Тогда позовите мне, пожалуйста, Леночку. Нет, лучше Кристину. А вообще обеих. Я устрою кастинг».

Но он ничего такого говорить не стал. Он посмотрел на меня очень серьезно, так, что мне тут же стало не по себе:

– А у вас, Лина, тоже очень красивые глаза, – клянусь, он при этом даже не улыбался! – Так что пусть все считают, что именно ради них я решил изменить своим принципам.

Я поняла, что еще минута – и на меня нападет истерический смех. Сдерживаться было невозможно. Я пригубила воду из стакана и тут же поняла, что это была очень плохая идея. Не рассмеяться стало еще труднее, только теперь, рассмеявшись, я прысну водой на собеседника.

Какого труда мне стоило проглотить воду, вы себе не представляете. Впрочем, если хотите, можете при случае попробовать.

Но, к счастью, я справилась и рассмеялась только тогда, когда воды во рту уже не было.

Павел Александрович, кажется, обиделся. Ну да, его можно понять: он мне тут чуть ли не фиктивную руку и фиктивное сердце предлагает, а я смеюсь.

– И что же вас так развеселило? – с холодком спросил он.

Ну уж нет. После того, как лед тронулся и в моей жизни наметились позитивные перемены, ссориться с кормильцем – самое глупое, что только можно придумать.

– Я просто подумала… А что бы вы делали, если бы следующим был парень?

Он посмотрел на меня, как на неразумную школьницу.

– Полагаю, я сумел бы определить это еще по телефону.

Ну что ж, логично. Мне, как любителю сложных, иногда чересчур сложных решений, такие простые вещи порой просто не приходят в голову.

– Так вы согласны? – задал странный вопрос Павел Александрович.

– Согласна с чем? – переспросила я. Пока что вроде бы никаких предложений не поступало.

– Мы сделаем вид, что я совершенно потерял голову, а потому швыряюсь деньгами направо и налево, напрочь забыв про многолетнюю вражду.

С этой частью все и так было понятно. Меня больше волновал вопрос, что в связи с этим должна делать я.

– А от меня-то что требуется?

– Лучше, конечно, если вы сделаете вид, что принимаете мои ухаживания более или менее благосклонно. Обещаю, я не буду чересчур настырным поклонником, – ослепительно улыбнулся Павел Александрович.

Я задумалась: принимать благосклонно – формулировка, предполагающая весьма широкое толкование. Ну, в самом деле, не стану же я бить солидного заказчика папкой по голове просто за то, что он, к примеру, сказал мне: «Вы прекрасно выглядите». Так что вроде бы уже благосклонно.

А судя по тому, что мои прекрасные глаза интересуют его исключительно фиктивно, никаких особых поползновений не предвидится.

Я притворно вздохнула.

– Ну вот, крутишься все утро перед зеркалом: макияж, духи, высокий каблук, чулки… – так, про чулки я, кажется, зря: в глазах собеседника вдруг появился неподдельный интерес, – а вам всем только одно надо.

– И что же нам всем надо? – с улыбкой поинтересовался Павел Александрович.

– Ну как же – высокое качество по демократичным ценам, грамотное постпродажное сопровождение, гибкая система скидок и консультации лучших специалистов. Принтеры, в общем.

– Ну не только принтеры. Если вы посмотрите в тот список, – он кивнул на мой портфель, куда уже аккуратно легли листки с заказом, – то увидите, что нас интересует широкий ассортимент продукции.

– Да-да, широкий ассортимент, как это я могла забыть?

– Так вы согласны?

Вообще-то, история более чем странная. Но вполне понятная и правдоподобная. А главное – для меня это возможность не вылететь с работы и не то чтобы обогатиться, но ощутимо поправить финансовое положение.

В общем, я была согласна.

Но что-то мне подсказывало, что просто так согласиться, не выдвинув никаких дополнительных условий, будет неправильно. И поэтому я ответила:

– Только если вы мне расскажете, что там у вас с нашим боссом случилось в далекие школьные годы.

Глава 8

Проблему Павла Александровича звали Карина Морозова.

У нее были огромные черные глаза, густые темные волосы и перманентный «трояк» по истории. Она училась в одиннадцатом классе той школы, где имел несчастье преподавать молодой, но очень амбициозный выпускник магистратуры.

Влюбленные ученицы – это вообще проблема для преподавателя. Юные полураспустившиеся цветочки, влюбившись, начинают упаковываться в короткие юбки, вызывающе краситься и восторженно хлопать ресницами.

Некоторые на первый взгляд кажутся безопасными – смотрят молча, рисуют там себе что-то в своих девичьих мечтах и проявляют повышенный интерес к преподаваемому предмету.

Те же, кто посмелее, переходят к активным действиям. И вот тут уже как на минном поле: шаг вправо, шаг влево – и ты летишь вверх тормашками, а где-то рядом, кувыркаясь, ухает в бездну твоя карьера.

Ответишь чересчур резко, чтобы и думать не могла о вольностях в сторону учителя – убежит в слезах, нажалуется родителям. И это в лучшем случае! В

худшем – еще что-нибудь с собой сделает.

А не дашь должного отпора, начнешь мямлить и проявлять деликатность – того и гляди заработаешь обвинение в домогательствах или ворох сплетен, который за несколько дней разрастется снежным комом и вберет в себя такие подробности, что лучше бы обвинили в домогательствах.

В общем – ничего хорошего.

Красивая девочка Карина была проблемой, но не бедой. Она не писала пламенных записок, не выкладывала в Сеть «дневников», где бы делилась своими фантазиями на тему любимого преподавателя. Просто смотрела мечтательно, краснела ни с того ни с сего – и все.

Бедой стал ее поклонник. Парень по имени Никита.

Он быстро обнаружил связь между равнодушием к нему дамы сердца и ее же неравнодушием к молоденькому учителю. И почему-то решил, что проблема исчезнет сама собой, стоит ему выставить этого самого учителя в непривлекательном свете.

Мальчонка был настойчивым, и к цели своей шел весьма упорно. Так упорно, что уже через месяц этого противостояния у учителя начал нервно подергиваться глаз, а разрешенные успокоительные перестали действовать.

Наверное, эта ситуация могла разрешиться иначе. В конце концов, Павел мог перевестись в другую школу или, допустим, попасть под машину и оказаться в реанимации на долгие месяцы… Но, увы, ничего подобного не произошло. А произошло другое.

Однажды у молодого преподавателя просто сдали нервы… Что он учудил, я так и не узнала. Подробностей он мне не рассказывал, заметил лишь, что не слишком гордится своим поступком. Но зарвавшегося мальчонку поставил на место.

Я робко попыталась выяснить у Павла Александровича, как именно он сумел расквитаться с нашим общим недругом. Это наверняка доставило бы мне

немалое удовольствие. Но тот окинул меня таким взглядом, что я быстро перестала спрашивать и продолжила слушать. Тем более как раз подали горячее.

Нахальный ученик притих. Не срывал уроков, не бросал колких замечаний… Даже как-то не по себе становилось. Хотя не по себе – не то слово! Молодому учителю Пашке было откровенно страшно. Во-первых, потому что и сам понимал, что перегнул палку, а во-вторых, потому что ждал – а ну как юное дарование пожалуется папочке! А папочка у дарования такой, что без лишних раздумий закатает в асфальт и не поморщится.

– Папочка?! – встряла я.

О том, что за нашим Андреевым стоит какой-то там папочка, я ни разу не слышала. Даже наши самые осведомленные сплетницы ничего об этом не говорили. Общеизвестно: Никита свет Владимирович добился всего сам. А тут вдруг вырисовывается папа Володя, который вроде тоже очень непрост.

Но мой собеседник снова окинул меня недовольным взглядом. В общем-то, справедливо: я поставила условие рассказать о том, что там между ними произошло, и он это условие вполне выполняет. Теперь я знаю, что между ними произошла Карина. А рассказывать про папу или про непедагогичные методы я не требовала. Так что придется слушать, что дают.

Как ни странно, вредный ученик папе не пожаловался.

Павел Александрович его за это даже зауважал. Будь у него такой отец, разве не пытался бы он прикрыться громким именем? Он не мог ответить на этот вопрос. Наверное, потому, что его собственный отец был обычным врачом, и пугать им ровесников можно было разве что в детском саду: «Я нажалуюсь папе, и он тебе укол пропишет».

Но тем не менее до сурового отца эта история все-таки дошла.

Сначала она разлетелась между учениками, потом юные стукачи и ябеды поделились с любимыми учителями… В общем, до директрисы сплетня добралась на четвертый день.

Как она кричала! Молодой Паша на ковре у начальства с тоской прикидывал, что лопнет раньше: стекла в кабинете или его барабанные перепонки.

Именно директриса, лебезя и оправдываясь, доложила обо всем Никитиному папочке. И тот изъявил желание поговорить с учителем лично.

На встречу Павел Александрович шел как на смертную казнь. У него был только один вопрос: асфальт с собой приносить или там выдадут? Даже сейчас это воспоминание, похоже, вызывало у серьезного человека и состоявшегося бизнесмена невыразимую тоску.

Он был готов к худшему. Он был готов вообще ко всему.

Единственное, к чему он оказался не готов, так это к тому, что страшный папаша скажет: «Мне всё рассказали. То, что ты сделал, конечно, чересчур. У меня к тебе один вопрос, он оставил тебя в покое?».

Врать этому человеку Паша не рискнул. Ответил честно: «У меня нет никаких претензий к Никите. В последнее время ведет себя вполне прилично и, кажется, стал уделять учебе больше…».

Договорить ему не дали. Суровый отец сказал: «Таким, как ты, в школе не место. Придешь завтра ко мне, – мужчина протянул ему карточку, – подберем тебе что-нибудь – он окинул не слишком презентабельно одетого учителя взглядом, – поприличнее».

С тех пор дела Павла Александровича пошли в гору. К учительству он так и не вернулся, о чем ни разу не пожалел. В конце концов, таким как он и правда не стоит работать в школе.

* * *

Когда он закончил свой рассказ, мы оба надолго замолчали.

Павел Александрович, наверное, вспоминал дела давно минувших дней, а я раздумывала. Слишком много информации неожиданно на меня свалилось. И кое-что из свалившегося запросто могло пришибить. Вот нельзя быть такой

любопытной!

Теперь ясно, почему Никита Владимирович морщится при имени своего преподавателя. Тот умудрился отобрать у несчастного подростка всё: и девушку увести, что еще можно было пережить, и папочку перетянуть на свою сторону. А вот это совсем обидно.

Еще стало понятно, почему Никита Владимирович называл себя счастливым билетом. Лучше и не скажешь.

Непонятно другое: почему такую знаменитую личность, как Никиткин папа, никто не знает и не обсуждает. Впрочем…

– Это случилось не здесь? Не в нашем городе?

– Не в нашем, – подтвердил Павел Александрович.

Ну вот, так я и думала! Где-нибудь в провинции папа нашего босса вполне мог быть большим человеком. По местным, конечно, меркам. Возможностей хватало на то, чтобы наставить на путь истинный бывшего преподавателя и дать любимому сыночку возможность для старта в большом городе. А для директора школы каждый родитель, у которого есть парочка знакомых в гороно, уже серьезный человек

Отыскав это чудесное объяснение давним событиям, я успокоилась.

– Несколько капель коньяка в кофе? – с улыбкой спросил Павел Александрович.

* * *

Когда я вышла из ресторана, день уже перевалил за половину. Павел Александрович великодушно предложил мне машину с водителем, но я вежливо отказалась. Успеет еще мой новый поклонник продемонстрировать общественности как он восхищен моими прекрасными глазами.

Телефон, разумеется, все это время стоял на беззвучном режиме. Не хватало еще, чтобы он трезвонил, мешая обсуждать с любимым клиентом важнейшие аспекты будущего сотрудничества.

Я заглянула в список звонков и обнаружила, что не такая уж я популярная личность. Во всяком случае, восемнадцати пропущенных у меня не было. Даже одного не было.

Зато было сообщение, и какое! За такое сообщение половина нашего офиса без малейших сомнений отдаст руку, ногу, почку или даже три процента от продаж.

«Пожалуйста, как только освободитесь, зайдите ко мне в кабинет. Это важно». Ну что ж, важно – значит важно.

Что-то я зачастила в кабинет босса.

Я уже подходила к заветной двери, когда мой телефон завибрировал. Посмотрела одним глазком на дисплей и остановилась.

Чего бы там срочного ни было у Никиты Владимировича, оно точно не такое срочное как этот звонок.

Тетя Рая.

Если ей не ответить, будет плохо. Или даже очень плохо. Как минимум она решит, что меня убили и нужно срочно опрашивать всех, кто меня видел. В числе последних обязательно окажется Никита Владимирович. В общем, в любом случае поговорить нам не удастся.

Тетя Рая заговорила со мной очень осторожно:

– Линочка, как дела, что новенького?

– Все хорошо, спасибо, – очень бодро отозвалась я.

– А с Никитой Владимировичем вы поговорили? – продолжала прощупывать почву менеджер по уборке. – Он возьмет тебя на работу?

– Наверное, возьмет, – согласилась я.

– Вот видишь, – тут же оживилась тетя Рая, – я же тебе говорила, Никита Владимирович – просто чудесный человек.

Открывать ей глаза на то, какой человек Никита Владимирович, я не собиралась, опасаясь, что эта информация дойдет не туда, куда нужно, и не тогда, когда нужно. А потому с энтузиазмом воскликнула:

– Да, Никита Владимирович – просто прекрасный человек.

– Добрый и понимающий, – добавила тетушка.

Ну так я тоже могу!

– И добрый, и понимающий, и умный, и красивый. Просто лучший человек на свете! За такого чудесного человека я готова прямо сегодня выйти замуж и родить для него троих детей. Или переписать на него квартиру. Или… – за спиной послышался короткий смешок, и я похолодела, – Ладно, я позже позвоню… – изменившимся голосом сказала я тетушке и нажала кнопку отбоя.

Поворачиваться не хотелось. Нет, серьезно, я категорически не желала знать, кто там усмехнулся, услышав мои слова.

Наверное, потому что уже знала.

– Польщен, – раздался за спиной знакомый голос.

Глава 9

– Боюсь, я пока не готов обзаводиться большой семьей. И жилищный вопрос у меня вроде как решен. Так что если вы не возражаете, мы все-таки обсудим рабочие моменты.

Сарказм. Самый настоящий сарказм.

Ничего удивительного. С тех пор как босс торжественно обещал не тренировать на мне свой искрометный юмор, прошли сутки. Кто бы столько выдержал?

– Вы выяснили, почему у нас появился такой замечательный покупатель?

Теперь Никита Владимирович был серьезен, и, кажется, даже обеспокоен. Возможно, не зря? Вдруг босс знает о Павле Александровиче что-то такое, что делает продажу ему оргтехники очень опасным занятием?

Хотя больше похоже на то, что тут в дело пошли детские комплексы и страхи, а беспокоиться вовсе не о чем. Действительно, что может случиться плохого оттого, что чудесный Павел Александрович будет покупать у нас много всего разного? И фирме прибыль, и мне хорошо!

Я старательно покраснела. Это было нетрудно. Каждый, кто только что признавался в том, что хочет выйти замуж за своего недруга и переписать на него квартиру, должен краснеть. Причем гораздо интенсивней.

– Вы знаете, мне показалось… – черт, сказать такое вслух совсем непросто, – что Павел Александрович несколько… – я поискала нужное слово, – увлечен.

– Чем увлечен? – не понял Никита Владимирович.

Нет, ну это уже совсем ни в какие ворота! И он туда же!

Гадкую Кристину еще можно как-то понять. У той яда с языка сочится столько, что его можно добывать в промышленных масштабах. И если она за день никого не укусит, наверняка ночью сама себе вцепится в хвост и отравится. Но босс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/starr_matil-da/nenavizhu-bossa

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити